

Габдуллина Валентина Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы АлтГПА

### **Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ: ПОСЛАНИЯ ИЗ СИБИРСКОЙ ССЫЛКИ**

Три произведения Ф. М. Достоевского, написанные им в ссылке, – стихотворения «На европейские события в 1854 году», «На первое июля 1855 года» и «На коронацию и заключение мира» – стоят особняком, как бы на периферии не только магистральной линии развития русской литературы, но и творчества их автора. Жанр этих произведений принято определять как патриотические оды; сам Достоевский называл их просто стихами. Вступив в диалог с царем, Достоевский подобно Пушкину пишет из своей ссылки стихотворные послания, что вообще-то было не свойственно его таланту. «Стихи не твоя специальность», – замечает М. М. Достоевский в письме к брату после прочтения его од<sup>1</sup>.

Большинством исследователей патриотические оды Достоевского рассматриваются только как факт биографии. Эти стихотворения неизменно оцениваются как «верноподданнические», так как, по общему мнению, создавая их, автор «преследовал прежде всего цель убедить правительственные сферы в своей “благонадежности”, чтобы вновь открыть себе дорогу в жизнь и в литературу...» (2; 521). Следует, вместе с тем, прислушаться к замечанию К. В. Мочульского, отметившего искренность Достоевского, обратившегося к несвойственному ему жанру: «Можно было бы пройти мимо этих вымученных виршей и верноподданнических чувств, рассчитанных на немедленную “монаршую милость”, если бы... они не были искренни»<sup>2</sup>.

Безусловно, было бы неверным абсолютно исключать мотив определенного расчета со стороны Достоевского, когда он посылал эти стихи монаршим особам, но, как пишет Достоевский своему другу барону А.Е. Врангелю (по другому поводу), «всякий поступает по совести, а порядочный человек по совести и рассчитывает» (28/I; 228). Очевидно, есть смысл, не вдаваясь в споры о художественных достоинствах этих «одиозных» (не в смысле жанра) произведений, обратиться к рассмотрению отражения в них процесса духовных исканий ссыльного писателя.

В письме к А. Н. Майкову в январе 1856 г. по поводу своих стихотворных посланий Достоевский отвергает обвинения в неискренности: «Зная меня очень хорошо, отдадите мне справедливость, что я всегда следовал тому, что мне казалось лучше и прямее, и не кривил сердцем, и то, чему я предавался, предавался горячо. Не думайте, что я этими словами делаю какие-нибудь намеки, на то, за что я попал сюда. Я говорю теперь о последовавшем за тем...» (28/I, 208).

<sup>1</sup> См. Примечания // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972-1990. Т. 2. С. 522.

<sup>2</sup> Там же. С. 299.

Из содержания письма можно заключить, что в приведенном отрывке речь идет о тех настроениях, которые отразились в его стихотворных посланиях и, в частности, в оде «На европейские события в 1854 году». В этом же письме Достоевский высказывает свое мнение о стихотворении А. Майкова «Клермонтский собор», которое также стало откликом на события 1854 года: «Читал Ваши стихи и нашел их прекрасными; вполне разделяю с Вами патриотическое чувство *нравственного* освобождения славян» (28/I; 208).

Чувство патриотического подъема, пережитое Достоевским в период Крымской войны, стало толчком к формированию в его сознании идеи избранности России, ее православной миссии в Европе, которая окончательно оформится в его публицистике. Стихотворные обращения Достоевского к монаршим особам необходимо рассматривать в контексте его духовной биографии, с учетом тех переживаний, которые сопровождали его «духовный переворот». В связи с тем, что записные тетради ссыльного писателя не сохранились, письма Достоевского представляют собой единственное дошедшее до нас свидетельство его творческой саморефлексии. В эпистолярном дискурсе нашел отражение сложный процесс духовного перерождения писателя.

Особое значение в письмах ссыльного Достоевского приобретает евангельская символика и образность, которые органично входят в исповедальную струю эпистолярия, организуя его текст и подтекст. Свою жаждущую веры душу Достоевский сравнивает в известном письме к Н. Д. Фонвизиной с *«травой иссохшей»* – образом, заимствованным из Священного писания (IV. Цар. XIX, 26): «...в такие минуты жаждешь, как “трава иссохшая”, веры, и находишь ее собственно потому, что в несчастье яснее истина» (28/I; 176). Прошедший через страшные духовные и физические испытания ссыльный писатель ассоциирует свою судьбу с крестным путем Иисуса Христа и историей блудного сына, контаминируя два этих евангельских сюжета в интерпретации своей собственной биографии. Каторгу и «солдатчину» Достоевский принимает как свой крест: «Это мой крест и я его заслужил» (28/I; 180). Называя себя в письме к брату «камнем брошенным» (28/I; 193), Достоевский вводит в контекст своей биографии притчу о «камне, который отвергли строители» (Мф., 21: 42), содержащую метафорический образ Христа – «камня живого», «человеками отверженного, но богом избранного и драгоценного» (1 послание Пет. 2: 4).

В ряде писем указанного периода прочитывается коллизия притчи о блудном сыне, где в роли блудного сына выступает сам автор – Достоевский («ломать отрезанный», «несчастный», «больной»), а в роли Отца – император Александр II («милосердный», «благородный», «милостивый», «наш добрый царь, золотое русское сердце»)<sup>3</sup>. Мотив милости и прощения, которых он ждет от нового монарха, настойчиво повторяется в письмах Достоевского к разным адресатам из Семипалатинска, а затем из Твери: «Монарх добр и милосерд» (28/I; 225); «Надеюсь на высочайшую милость превосходного монарха нашего,

---

<sup>3</sup> И. Д. Ермаков в своем психоаналитическом исследовании, посвященном Достоевскому, пишет об ассоциировании Достоевским Александра II с отцом (Ермаков И. Д. Психоанализ литературы. Пушкин. Гоголь. Достоевский. М., 1999. С. 356).

уже даровавшего мне столько. Он презрит меня, несчастного, больного, и, может быть, позволит возвратиться в Москву» (28/1; 289).

Москва, Петербург, Россия ассоциируются у запертого в сибирском плену Достоевского с Домом: «Да и дай бог поскорее побывать в России. Там, в России, чувствуешь себя как бы дома» (28/1; 265).

Вся система евангельской образности писем Достоевского семантически связана с идеей притчи о блудном сыне как духовным ориентиром писателя. Евангельский код писем Достоевского из Сибири свидетельствует об определенном духовном настрое, в атмосфере которого создавались его стихотворные оды-послания. К эпистолярному дискурсу непосредственно примыкают стихотворные послания из ссылки, адресованные царским особам, лирическое содержание которых было явно недооценено в литературе о Достоевском.

В патриотических одах Достоевского наряду с *биографическим кодом* явно прочитывается *пушкинский код*, который проявляется не только в том, что, по наблюдению К. Мочульского, ода «На европейские события в 1854 году» «вдохновлена инвективой Пушкина “Клеветникам России”»<sup>4</sup>. В данном случае важны не столько поэтические переключки в текстах, сколько сам факт осмысления Достоевским своей биографии в контексте пушкинской. Положение ссылного писателя после пронесшейся над ним и его сотоварищами «грозы» 1849 года не могло не вызвать у Достоевского ассоциаций с историей опального поэта, пережившего 1825 год и вступившего в диалог с царем.

При сравнении некоторых фактов биографии Пушкина периода его Михайловской ссылки и «Семипалатинского эпизода» жизни Достоевского возникают любопытные биографические параллели, которые представляются неслучайными. Примечательно, что одной из первых книг, присланных Достоевскому в Семипалатинск по его просьбе сыном декабриста Е.И. Якушкиным, был первый том «Сочинений» А. С. Пушкина в издании П. В. Анненкова, вышедший в свет в 1855 году. «Пушкина я получил. Очень благодарю вас за него», – извещает Достоевский своего адресата о получении книги (28/1, 184). В этом томе были опубликованы «Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина», очевидно, сыгравшие свою роль претекста, ориентируясь на который Достоевский строит свои взаимоотношения с царем.

П. Анненков в своих «Материалах...», по цензурным соображениям, обходит молчанием события 1825 года и обстоятельства ссылки Пушкина. О духовном состоянии А. С. Пушкина, переживаемом в Михайловской ссылке, П. В. Анненков пишет: «Пушкин приехал в Михайловское в *тревожном состоянии духа* (возможно, П. Анненков в этой фразе завуалировал намек на истинную причину «тревожного состояния духа» Пушкина, связанную с событиями на Сенатской площади).

Легко угадать причину нравственного беспокойства его, если вспомнить, что четверть жизни прошла для Пушкина и должна была переставить точку зрения на людей и разъяснить взгляд на самого себя. Нравственный переворот, неизбежный в таких случаях, оставляет по себе грусть, чувство раскаяния и

---

<sup>4</sup> Мочульский К. В. Указ. соч. С. 298]

тоски; но в сильных и благородных натурах, какова была натура Пушкина, это есть только новое побуждение к деятельности и преобразованию себя»<sup>5</sup>. При чтении этих строк возникает ощущение, что они написаны о Достоевском эпохи его политической ссылки.

Ссылный Пушкин использует все средства, чтобы вернуться в столицу, где в это время решалась судьба его товарищей. Обращаясь к Николаю I, Пушкин мотивирует свою просьбу о разрешении вернуться в столицу состоянием своего здоровья: «Государь, меня обвиняли в том, что я рассчитываю на великодушные вашего характера... Ныне я прибегаю к этому великодушному. Здоровье мое было сильно подорвано в молодые годы; <...>. Я умоляю ваше величество разрешить мне пребывание в одной из наших столиц...» (IX, 349).

Так же, как Пушкин, Достоевский обращается к царю в надежде освободиться из ссылки, чтобы поправить свое здоровье: «В вашей воле вся судьба моя, здоровье, жизнь! Благоволите позволить мне переехать в С.-Петербург для пользования советами столичных врачей» (28/I, 386). Приведенная фраза из письма Достоевского к Александру II почти дословно совпадает с цитатой из биографии Пушкина в изложении П. Анненкова: «3 сентября получено было во Пскове всемилостивейшее разрешение на просьбу Пушкина о дозволении ему пользоваться советами столичных докторов»<sup>6</sup>.

В 1826 г. Пушкин возлагает надежду на коронацию нового царя [Пушкину хорошо была известна традиция обращения к милости монарха во время его коронации из семейных преданий. В своих «Воспоминаниях» Пушкин передает историю об освобождении от опалы своего предка Ганнибала, впавшего в немилость после смерти Петра I и обратившегося к новой монархини: «Когда императрица Елизавета взшла на престол, тогда Ганнибал написал ей евангельские слова: “Помяни мя, егда придеши во царствие свое”. Елизавета тотчас призвала его ко двору...» (IX, 60)], могущего, по его мнению, облегчить участь сосланных на каторгу декабристов: «Еще таки я все надеюсь на коронацию; повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна» (IX, 234). В ожидании коронации поэт пишет Жуковскому: «Кажется, можно сказать царю: Ваше величество, если Пушкин не замешан, то нельзя ли наконец позволить ему возвратиться» (IX; 224).

Обращаясь в своей первой оде «На европейские события в 1854 году» к царю, Достоевский следует примеру Пушкина, писавшего стихотворные послания императору из своей Михайловской ссылки. Причем адресат у них один и тот же – Николай I, жестоко расправившийся с декабристами и спустя без малого двадцать пять лет подписавший приговор петрашевцам.

В стихотворении «На европейские события в 1854 году», адресованном Николаю I, нет ни слова об испрошении себе прощения; речь идет о спасении России. Но за собирательным *мы* (т. е. русские) скрывается лирический субъект, переживания которого носят сугубо личный характер, связанный с осмыс-

---

<sup>5</sup> Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина // Сочинения Пушкина. С приложением материалов для его биографии, портретов, снимков с его почерка и с его рисунков и проч. Т. 1./ Издание П. В. Анненкова. СПб., 1855. С. 169.

<sup>6</sup> Там же.

лением собственной судьбы. Подобным образом могут быть прочитаны, например, строки:

Спасемся мы в годину наваждений,  
Спасет нас крест, святыня, вера, трон! (2; 403).

Дефиницию «*наваждение*» можно отнести к состоянию, пережитому самим автором, попавшим под обаяние социалистических идей. Бывший обитатель Мертвого дома на себе испытал спасительную силу «креста, святыни, веры», избавивших его от «наваждения». В многократно цитируемом письме к Н. Д. Фонвизиной, одном из первых писем после выхода из острога, Достоевский делится со своим адресатом опытом обретения веры: «...в такие минуты я сложил в себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа...» (28/1; 176).

Далее в стихотворении Достоевский продолжает:

Мы верою из мертвых воскресали...

За этой формулой видится эпизод из недавнего каторжного прошлого Достоевского.

После смерти Николая I Достоевский пишет стихотворное послание вдове императора «На первое июля 1855 года» с явной надеждой «вымолить прощенье». Это стихотворение носит более проникновенный характер, хотя не лишено одических штампов, особенно когда речь заходит о покойном императоре.

Описание состояния вдовы, понесшей утрату близкого человека, смыкается в этом стихотворении с авторским лирическим переживанием, в котором явно прочитывается биографический код. В последнем своем письме из Петропавловской крепости к брату Михаилу Достоевский пишет о переживаемых им чувствах, используя те же выражения, которые войдут, почти дословно, пятью годами позже в его стихотворное послание: «Теперь отрываюсь *от всего, что было мило*; больно покидать его! Больно переломить себя надвое, *перервать сердце пополам*» (Курсив здесь и далее мой. – В.Г. – 28/1; 164).

В оде читаем:

О! Тяжело терять, чем жил, *что было мило*,  
На прошлое смотреть как будто на могилу,  
От сердца *сердце с кровью отрывать*...

Следующие строчки оды

...Безвыходной мечтой тоску свою питать,  
И дни свои считать бесчувственно и хило,  
Как узник бой часов, протяжный и унылый(2, 407)

(которые при других условиях могли быть восприняты как поэтический штамп) также окрашены переживаниями бывшего узника каторжного острога, считавшего дни, проведенные в неволе, делая зарубки на острожных палях.

В связи с образом императрицы в оде появляются *богородичные* мотивы, отсылающие к иконописи:

...Твой кроткий, грустный лик в моем воображеньи  
Предстал моим очам, как скорбное виденье,  
Как образ кротости, покорности святой...(2; 407).

В финале стихотворения образ матери-императрицы ассоциируется с Богородицей, традиционно почитаемой покровительницей России:

Храни того, кто нам ниспослан на спасенье!  
Для счастья его и нашего живи  
И землю Русскую, как мать, благослови (2; 408).

Автор, напоминая адресату о своем положении «отверженца», вплетает в оду на смерть императора свою исповедь:

Прости, что смею я, отверженец унылой,  
Возвысить голос свой над сей святой могилой.  
Но боже! нам судья от века и вовек!  
Ты суд мне ниспослал в тревожный час сомненья,  
И сердцем я познал, что слезы – искупленье,  
Что снова русский я и – снова человек! (2, 408).

Последнее стихотворение <На коронацию и заключение мира> явно вдохновлено примером Пушкина, писавшего в стихотворении «Друзьям»:

Нет, я не льстец, когда царю  
Хвалу свободную слагаю;  
Я смело чувства выражаю,  
Языком сердца говорю (II; 118).

В ряде писем из Семипалатинска накануне и после коронации Достоевский высказывает восхищение молодым царем, связывая с ним надежды на будущее России и разрешение своей собственной судьбы.

В оде на коронацию Александра II отчетливо обнаруживаются параллели с пушкинскими «Стансами» в строках:

Идет наш царь на подвиг трудный  
Стезей тернистой и крутой;  
На труд упорный, отдых скудный,  
На подвиг доблести святой,  
Как тот гигант самодержавный,  
Что жил в работе и трудах,  
И сын царей, великий, славный,  
Носил мозоли на руках (2; 409).

Этот отрывок перекликается (по содержанию и ритмически) с известными строчками из «Стансов»:

То академик, то герой,  
То мореплаватель, то плотник,  
Он всеобъемлющей душой  
На троне вечный был работник (II; 88).

Вслед за Пушкиным, наставлявшим перед коронацией Николая I, Достоевский указывает молодому царю – Александру II образец милосердия. Но если в стихотворении Пушкина это – Петр I («Во всем будь пращуру подобен: / Как он, неутомим и тверд, / И памятью, как он, незлобив»), то Достоевский, призывая «милость к падшим», как на «источник всепрощенья, / Источник кротости святой» указывает на Христа.

В обращении к Христу:

...К тебе, любивший без ответа  
Самих мучителей своих,  
Кто обливал лучами света  
Богохулителей слепых,  
К тебе, наш царь в венце терновом,  
Кто за убийц своих молил  
И на кресте, последним словом,  
Благословил, любил, простил! (2; 410), –

имплицитно скрыта авторская позиция по отношению к своим «мучителям», которых Достоевский, подобно Христу, «благословил, любил, простил».

Образ Александра II – «небес избранника» – в оде Достоевского обрисован в духе характерной для народного сознания сакрализации царя. Традиция обращаться с просьбами о помиловании к будущему монарху накануне его коронации связана с отношением к царю как земному богу. Б. Успенский пишет по этому поводу, что престолонаследование «приравняется к ситуации пришествия Христа в Царство Небесное, и к тому, кого ожидают видеть на престоле, обращаются с прошением: «Помяни мя, Господи, егда придеши во царствие си», с которым Благородный разбойник обращался к распятому Христу»<sup>7</sup>. Политический ссыльный Достоевский, обращаясь к восшедшему на престол монарху, следует примеру Пушкина и в то же время уподобляется евангельскому разбойнику, просящему Христа о заступничестве перед Богом. В письмах ссыльного Достоевского упоминается и о фактах помилования осужденных преступников в связи с празднованием совершеннолетия наследника престола, также связанных с традицией сакрализации царя, распространяющейся и на будущего наследника престола: «Еще надежда: 8 сентября будет совершеннолетие государя наследника. При совершеннолетию ныне царствующего императора оказаны были огромные милости политическим преступникам. Я уверен, что государь, и при нынешнем празднестве, вспомнит о нас несчастных и простит все остальное» (28/I, 323).

Мотив милосердия, восходящий к ряду евангельских сюжетов, в том числе к сюжету притчи о блудном сыне, пронизывает цикл стихотворных посланий, связанных посредством системы мотивов и образов (*Христа, веры, покаяния, воскресения*) с эпистолярным дискурсом.

Анализ трех патриотических од через систему кодов – *биографического, его инварианта – пушкинского и евангельского* – позволяет судить о них как о произведениях, отразивших один из сложнейших этапов в духовной жизни писателя, и в то же время вписать их в контекст последующего творчества Достоевского как первый опыт художественной апробации мотивов, впоследствии получивших наименование «почвеннических».

---

<sup>7</sup> Успенский Б. А. Царь и Бог // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 176.